

Танцуют все

ФЕСТИВАЛЬ OPEN LOOK В ТЮЗЕ

обозревает ОЛЬГА ФЕДОРЧЕНКО

Браим Бушелагем

Dance Works Rotterdam

Лисс Фейн

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ хореографического авангарда разменял первый десяток. Когда Вадим Каспаров начинал его проводить, мало кто верил и в местное более-менее светлое будущее contemporary dance, и в зрительский интерес к нему. Однако залы исправно наполнялись, причем отнюдь не только журналистами и критиками, фестивальными артистами, в свободный день пришедшими поглядеть на коллег, но и большим количеством сочувствующих,

любопытствующих и, в конце концов, — искренно увлеченными идеями и нестандартными формами выражения пластической мысли. Бессменный руководитель, вдохновитель и организатор фестиваля Вадим Каспаров с каждым годом все более расчетливо выстраивает программу, отдавая предпочтение концептуальным событиям.

В этом году на протяжении двух недель будут представлены девять спектаклей из Нидерландов, США, Франции и

России. Фестиваль открывается «Человеком танцующим» компании Dance Works Rotterdam, основанной в 2001 году. Моноспектакль «Далеко» в концепции, постановке и исполнении Рашида Урамдана приезжает в Петербург, будучи уже отмеченным в Авиньоне, где его в этом году включили в официальную программу театрального фестиваля. Микст классического и современного танца предлагает американка Лисс Фейн в программе одноактных балетов. В ее труппе девять танцовщиков, в каждой постановке участвуют то кинорежиссеры, то видеохудожники, то скульпторы, то инженеры. Цените-

лям хип-хопа надо порекомендовать специальный вечер: Браим Бушелагем изливает душу в балете «Зарбат», признаваясь в любви своему «неправильному» отцу, а «В ожидании лета» местного коллектива «ТОП 9» стоит посмотреть уже потому, что исполнители — двукратные чемпионы мира по профильной дисциплине. Американская Witness Relocation — сборище брутальных рок-хулиганов, охотно сообщаящих о себе, что они два года в Бангкоке работали по ночным клубам, снимались в рок-видео и тайских мыльных операх. Их спектакль «Осторожно, злые собаки!» обещает постмодернистский театр, дрессировку боевых друзей человека, песни и полное отсутствие сценария.

Театр юного зрителя им. А.А. Брянцева, с 26 июня до 10 июля, подробнее на странице 33

Из лесу вышел

БАЛЕТ «ШУРАЛЕ» В МАРИИНСКОМ ТЕАТРЕ

рассказывает ОЛЬГА ФЕДОРЧЕНКО

ОДНАЖДЫ В СССР решили создать очередной нацбалет. В Казани. К августу 1941 года. Выбрали сказку про повелителя пней лешего Шурале, девушку-птицу Сюимбике и бесстрашного охотника Батыра в либретто татарского классика Габдулы Тукая. Композитором назначили недавнего выпускника Московской консерватории Фариды Яруллина. Танцевать вот только было некому, не существовало еще нацкадров — в только созданном Казанском театре оперы и балета числилось человек двадцать пять энтузиастов из самодеятельности. Правда, чуть позже труппу усилили артистами расформированного московского «Острова танца», увеличив до девяноста творческих единиц. Заодно создали и детскую хореостудию, на будущее. Заглавную партию поручили местному самородку Бари Ахтямову, по первой профессии извозчику.

На весь этот татарский балет бросили Леонида Якобсона, который несколькими годами раньше уже удачно создал туркменский; он изнывал без работы и с радостью согласился. Яруллин не имел

ни малейшего представления о том, как сочинять балет; хореограф напевал ему мелодии из русских классиков, подтанцовывал за всех героев, затем запирали в комнате с пианино в музыкальном классе до тех пор, пока не получал адажио, вариацию или кордебалетный танец. На две положительные главных партии пригласили супружескую пару из Ленинграда, башкирку Найму Балтачеву и характерного солиста туркмена Абдурахмана Кумысникова. Генеральная репетиция с большим успехом прошла 3 июля; никто не верил, что война затянется, и к декаде Татарии в Москве продолжали готовиться еще несколько недель. Лишь в октябре 1941 года штат театра резко сократили, среди балетных, например, осталось всего семеро. Почему-то не оказалось брони у Яруллина, единственного на тот момент татарского композитора отправили на фронт, и там он в 1943 году пропал без вести.

В 1945 году «Шурале» переставили в Казани москвич Леонид Жуков и национальный кадр Гай Тагиров. Сам Якобсон вернулся к этой истории в 1950 году. Три акта «Али-

батыра» (отрицательный персонаж не мог появиться в названии) по-прежнему рассказывали о юноше, полюбившем спасенную из лесного пожара девушку-птицу и о кознях зловредного лешего. В финале героиня бросала в огонь крылья, окончательно выбирая мир людей. Фантазии Якобсона хватило бы на добрый десяток балетов, так что главных исполнителей Наталью Дудинскую, Аскольда Макарова и Игоря Бельского, балетмейстера и сам спектакль наградили Сталинской премией.

Поколения ленинградских зрителей любили и помнили «Шурале» (чуть позже ему вернули первое название), требуя вернуть спектакль в кировский репертуар.

Кажется, материалов для восстановления немало: характерно-гротескные танцы второго акта, часто исполняемые студентами Академии Русского балета; одноактная выжимка, до сих пор идущая в бывшем яacobсоновском театре «Хореографические миниатюры», ныне Театре балета Юрия Петухова; наконец, фильм-балет 1980 года «Лесная сказка» с фантастически прекрасной Татьяной Тереховой, но отнюдь не с полной хоре-

Аскольд Макаров
в роли Али-Батыра, 1950

ографией. Проблема, может статься, в ином — фрагменты помнят многие, но все посвоему, и худруку постановки Вячеславу Хомякову придется постараться, чтобы собрать из них картину, достойную Якобсона.

Мариинский театр, 28 и 29 июня, 19.00